

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Т.А. Курпиянова

Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Первова И.Л. Теории социальной работы и реалии социального благополучия. Коллективная монография.
СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012 — 173 с. ISBN 978-5-288-052111-8

Рецензируемая монография — практически единственное издание на русском языке, предлагающее новые ориентиры в изучении социального благополучия и содержащее его конкретные индикаторы на уровне индивидов, групп и общества в целом. Авторы уже давно разрабатывают свой вариант системно-ориентированной теории социальной работы (Григорьева, Келасьев 2004), и в данном труде аккумулированы и развиты разнообразные идеи, относящиеся к концепту социального благополучия. Книга написана ясным и живым языком, снабжена библиографией и состоит из трех глав.

В задачи авторов монографии входило исследование изменения характера взаимодействия человека, общества и государства, нарушения симметрии в обмене правами и обязанностями, анализ динамики основных показателей социального благополучия. Несомненным достоинством книги является системно-социологическое осмысление теорий социальной работы: «... в теоретизации социальной работы должна преобладать социология, которая в момент своего возникновения ставила перед собой задачи улучшения общества, а не только его изучения» (с. 6). В наше время, с его многочисленными и разнообразными кризисами, «социологи оставляют общество и регулирование развития сфер общественной жизни социальной политике, а человека и малые группы — социальной работе» (с. 6). В первой главе «Теоретические основания социальной работы» рассмотрены вопросы социальной работы как социального института, сравниваются «теории», «подходы», «модели» и «направления» социальной работы западных и отечественных авторов.

Накопленный практический опыт социальной работы требует теоретического обобщения, без чего эффективная профессионализация невозможна. Авторы, в первую очередь В.Н. Келасьев, продолжают исследовать «целостное образование “человек — общество (социальная среда) — способы взаимодействия между ними”» (с. 21), обращают внимание читателя на специфические виды взаимодействия человека и социальной среды, которые изучаются и реализуются в теории и практике социальной работы в России (Келасьев 2012). «В современном государстве, — отмечает И.А. Григорьева, — мы сталкиваемся с невиданным ранее ростом социальных требований и тем, что минимально приемлемые уровни социальной обеспеченности, озвучиваемые в этих требованиях, постоянно повышаются, но никогда не снижаются... что, развивая технологии обеспечения социальных прав человека, современное государство во время не озаботилось воспитанием социальной ответственности, что быстро

привело к клиентизму, т. е. забвению социальных обязанностей слишком многими» (с. 19–20).

Включение в социальную среду обеспечивает человеку определенный социальный статус, самостоятельность, материальный достаток и т. п. «Темпоральность изменений граждан практически новой страны оказалась разной» (с. 33). Инертность, прежние ценности и стереотипы поведения создавали трудности включения в резко обновленную среду, что вызвало «то разрастание “социального низа” в российском обществе, которое отмечается в литературе» (с. 34). В настоящее время идет процесс становления регуляторов взаимоотношений человека и среды, согласования интересов людей (групп) для поддержания стабильного развития общества. Авторы задаются вопросами, «какое место занимает социальная работа в этих общих самоорганизационных процессах» (с. 35), каковы цели и интересы общества, наличие желания следовать принятым нормам морали и нравственности. «Рефлексия... выступает ядром самоорганизационных процессов человека и общества. От степени ее развитости и зависит уровень самоорганизации человека и общества, налаженность их взаимодействия. Понятие социальной рефлексии должно занять свое достойное место в аппарате социальной работы», — считают они (с. 35).

Во второй главе «Социальное благополучие как цель социальной работы» детально рассматриваются понятия «государство благосостояния / благоденствия / благополучия» (с. 60) с разных историко-формационных и географических позиций. Так, «по мнению Ю. Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства» (с. 61). Естественно, что социальное благополучие прямо пропорционально проводимой социальной политике. Последние двадцать лет в Российской Федерации острым остается вопрос социальной переориентации экономических реформ, что связано с «преобладанием государства в получении возможностей благополучия и приводило, и продолжает приводить к деструктивной зависимости от него и “обученной беспомощности” населения. При этом государство не только дезориентирует граждан, но и никак не поддерживает самозанятость и самообеспечение, в то время как страна оказывается во все более глубокой продовольственной зависимости» (с. 62).

Поддерживаю авторов монографии в том, что в России занятость и трудовые доходы все больше обесцениваются. А из-за реально низких доходов и соответственно низкого уровня жизни растет число постоянных клиентов социальных служб. В настоящее время социальная работа «носит большей частью разрушительный характер по отношению к обществу и механизмам солидарности, и уж тем более не способствует активизации клиентов и интеграции общества» (с. 62), хотя на индивидуальном уровне оказывается значительная поддержка и помощь, которая направляется на достижение различных аспектов социального благополучия.

Государство, являясь социальным и политическим институтом, должно «направить экономическую политику нашей страны на те цели и задачи, к которым сейчас стремятся развитые страны... Либеральные экономисты давно поняли, что вложения в человека наиболее эффективны» (с. 63). Понятие «раз-

вите человека» как важнейшей компоненты «социального благополучия» ввели американские экономисты Т. Шульц, Е. Беккер, Л. Туроу и др., делая акцент на инвестициях в человеческий капитал (образование, здравоохранение, воспитание детей, смену работы и другие вложения). В России роль инвестиций в человека, его здоровье как общенародный и общегосударственный интерес еще недостаточно отражена.

Парадигма защиты подрастающего поколения требует более широкого понимания параметров благополучия и соответствующих изменений. Информационно-коммуникативные технологии важны для всех, для молодых и пожилых в том числе, т. к. повышают качество жизни, дают шансы в достижении благополучия. «Средства достижения благополучия очень разнообразны... человек благополучный — это человек более защищенный, более автономный. Он менее нуждается в социальной защите и способен защитить себя сам» (с. 66). В будущем социальная работа должна стать большей частью профилактической, предупреждающей неблагополучие. В этом смысле благополучие отдельного человека — это отражение благополучия общества. В то же время человек-субъект является мощным фильтром, сопротивляющимся распаду социума (с. 67). Далее в монографии рассматривается благополучие социальных субъектов на разных уровнях и в разных средах: общества в целом, отдельных социальных групп и конкретного человека (клиента социальных служб).

Применительно к потребностям различных социальных субъектов, благополучная социальная среда характеризуется нужными субъекту ресурсами, стабильностью, возможностями доступа, отсутствием опасности превращения субъекта в жертву, как дающая стимулы для развития и т. д., т. е. благополучная среда должна «максимально способствовать процессу реализации потенциала человека, адаптации его к требованиям общества» (с. 92) в каждом возрастном периоде. Задача создания «достойных человеческих условий жизни» пересекается с задачей разработки социальных стандартов и социальных нормативов. «Сложилось так, что на основе преобладающего типа социальной среды выделяют и отдельные направления в социальной работе. Такой подход не учитывает целостного характера структуры “человек — среда — регуляторы их взаимодействия”, базируется только на одном ее компоненте — среде» (с. 96). Вопросы о типах взаимоотношений между человеком и средой, о социальном благополучии и здоровье, о принципах социальной работы в направлении повышения уровня социального благополучия важны для теории социальной работы, и в монографии им уделяется значительное внимание.

В третьей главе «Показатели социального благополучия и развития человека» детально рассматриваются основные подходы к определению социальных показателей благополучия и качества жизни, которые автор, И.А. Григорьева, пытается увязать с возможностями получения социальной помощи. Проблема результативности социальной помощи тесно связана с более общей социологической проблемой — измерения результатов любых социальных вмешательств, в том числе управления социально-экономическими процессами и оценки этих результатов. Для социологической науки в практическом плане важной остается проблема разработки показателей качества жизни и сравнение объективных

и субъективных показателей развития. С 1991 г. интегральным показателем, удобным для сравнения между странами и используемым в международной статистике, становится Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Для сравнения развития регионов в Российской Федерации также используется данный интегральный показатель. «Под развитием человека идеологи ИРЧП понимают процесс расширения функций и усиления возможностей (потенциала). Развитие отражает конечные результаты осуществления функций и потенциала человека» (с. 136) и является непрерывным и продолжающимся всю индивидуальную жизнь процессом. ИРЧП «ставит улучшение человеческих параметров развития в центр общественного прогресса и рассматривает экономический рост как средство, а не конечную цель развития. Экономический рост лишь дает возможность улучшения здоровья, образования и доступа к информации и отражает уровень достижений в области возможностей продолжительности жизни, возможностей получать знания и возможностей иметь адекватный уровень жизни... Многие западные социологи отмечают, что политизированные оценки “социальных индикаторов”, в том числе ИРЧП, преувеличивают степень корреляции между показателями развития экономики и здоровьем и благополучием человека», выявляя несоответствия, показывающие, как трудно «расчленив человека с помощью широко дискутируемых “индексов развития человека”. Данную ситуацию следует понимать не как несоответствие, а как более сложную взаимосвязь между уровнем доходов и развитием человека» (с. 138).

Параметры ВВП, «характеризующие развитие человеческого потенциала, безусловно, дают интересные и поучительные данные для аналитика, исследующего приоритеты социальной политики» (с. 140). Публикуемые данные позволяют судить о затратах на здравоохранение, образование и т. д. Так, например, «у России самый высокий в Европе процент военных расходов» (с. 140), более высокий только у США. «В большинстве европейских стран средства, идущие на здоровье и образование, существенно больше, чем на военные расходы, а в России доли ВВП, расходуемые на эти три направления социальной политики, пять лет назад были практически равны, но с каждым годом доля военных расходов растет. Естественно, это не только не дает России конкурировать с другими странами Европы по уровню ИРЧП, но и обуславливает потери в здоровье и образовании населения, которые все труднее восполнять» (с. 140). Между тем рейтинг стран по ИРЧП в принципе не позволяет говорить «о действительно отличительной разнице в социальном и экономическом развитии стран, т. к. фактические различия между показателями ИРЧП невелики» (с. 141).

Интегральный индекс развития человека со временем был усовершенствован, включив показатели гендерных возможностей (ИРГФ). В 1995 г. в Доклад о развитии человеческого потенциала включены те же три элемента ИРЧП, но с поправкой на гендерное неравенство по каждому из них. «Чем больше неравенство между мужчинами и женщинами, тем ниже ИРГФ по сравнению с ИРЧП» (с. 142). «С 1997 года в Докладе о развитии человека представлена концепция бедности населения и показатель ее измерения — индекс нищеты на-

селения (ИНН). Если ИРЧП используется для измерения усредненных достижений в основных аспектах развития человека, то ИНН отражает недостатки в этих же аспектах» (с. 142). «С 1999 года Всемирная организация здравоохранения стала использовать поправочные коэффициенты, связанные с прогнозированием количества лет возможных болезней и инвалидности, которые вычитаются из ожидаемой средней продолжительности жизни, чтобы получить данные о *“средней продолжительности здоровой жизни”*» (с. 145). В 2010 г. методисты ООН скорректировали ИРЧП, ввели дополнительные параметры до семи, в том числе индекс многомерной бедности, и стали использовать относительные, а не абсолютные показатели.

Концепция развития человека серьезно влияет на оценку социального прогресса, предполагает сохранение позитивных результатов и противодействие негативным, угнетенным процессам. Эксперты ПРООН в 2010 г. предложили уточненное определение по проблеме развития человека: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, для осуществления других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете» (с. 150) и имеет три компонента: благосостояние, расширение прав и возможностей, справедливость. Многие специалисты считают, что макросоциальный выигрыш связан с достижением устойчивого результата, а не с экономическими показателями. «И на глобальном уровне идея устойчивого развития пока продолжает оставаться популярной»... Проблема неустойчивого развития приобретает глобальную значимость, а современное общество называют «обществом риска» (с. 154). Исторически привычная точка зрения гласит, что бедность — причина плохого образования, низкого уровня здоровья и социального исключения в целом. «Альтернативный подход заключается в том, чтобы разорвать связь нуждаемости, бедности и социального исключения с помощью социального развития, которое связано с ростом образования, улучшением здоровья и степенью участия людей в решении их собственных проблем» (с. 155). Практическим социальным работникам важен постулат, что «только став субъектом процесса собственного развития, человек может получить от общества такую помощь, которая позволит обеспечить ему реальный социальный рост» (с. 155). Поэтому «различные виды социальной помощи должны быть встроены в систему планирования социального развития, их результативность должна анализироваться и учитываться на следующих этапах работы с людьми, получающими помощь. Такой систематический мониторинг эффективности возможно осуществить только с помощью различных показателей (индикаторов) развития тех или иных социальных процессов, встроенных в систему социальной работы» (с. 156).

Анализ результатов переноса опыта западных социальных государств в 1990–2000 гг. детально рассматривается в параграфе 3.5. Выбранная командой Ельцина-Гайдара в 1991 г. либеральная модель, будучи более дешевой, по сравнению с социалистической моделью прежнего периода, вела к безусловно отрицательным социальным следствиям, резкому снижению жизненного уровня населения, безработице или длительным задержкам заработной платы. «Оказа-

лось, что адресная политика поддержки нуждающихся требует налаженной системы учета доходов и имущества, критериев и показателей оценки степени нуждаемости» (с. 157), которой в стране не было. Также требовалось широкое участие местных сообществ, общественных организаций и повышение гражданской активности. Реалии настоящего времени подтверждают мысль авторов, что «если исходить из того, что целью любых реформ — политических или экономических — является повышение уровня и качества жизни не отдельных групп, а большинства населения, то нельзя не признать, что Россия в 2000-х потерпела фиаско, так как в одних направлениях социального развития прогресс отсутствует, а в других наблюдается стагнация и даже деградация. Страна не только не приближается к благополучию, но удаляется от него», что уже не раз отмечалось авторами (Григорьева 2007).

В Заключении делаются выводы и предлагаются варианты решения социальных проблем, которые «должны шире обсуждаться в СМИ, причем с разных точек зрения; аспектами дискуссий должно быть привлечение населения к реализации определенных решений, децентрализация управления и передача государством ресурсов населению, общественным организациям, муниципалитетам;... средства социальной политики должны направляться на улучшение здоровья и образования, на повышение их доступности для всех групп населения» (с. 161).

Достоинства монографии все же не мешают сделать некоторые замечания. Например, что именно хотят сказать авторы по поводу защищенности благополучного человека: «человек благополучный — это человек более защищенный, более автономный. Он менее нуждается в социальной защите и способен защитить себя сам»? (с. 66). Хотелось бы также увидеть более подробную интерпретацию существующих теоретических подходов к социальной работе (параграф 1.4.) с позиций, предлагаемых авторами, поскольку данный материал, несомненно, инновационный и теоретически значимый.

Литература

Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Теория социальной работы. Учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Григорьева И.А. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // Журнал исследований социальной политики. 2007. 5 (1). С. 7–24.

Келасьев В.Н. Теоретико-методологические основы конструирования технологий социальной работы // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. 1. С. 176–183.